

Наталья Тимофеева
Звёздный смех

стихи, пародии, сказка хромого кузнеца

Наталья Тимофеева

Звёздный смех

«Издательские решения»

Тимофеева Н. В.

Звёздный смех / Н. В. Тимофеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747697-7

Книга «Звёздный смех» составлена без рубрик и глав по мере написания стихов. Череда прожитых дней знаменуется настроением и темами, близкими автору. Говорят, на третий год в чужих краях наступает тоска по Родине, но автор не склонен тосковать. Тишина нужна одиночеству, а одиночество — тишине. Это ли не счастье — обрести покой под благодатным небом!

ISBN 978-5-44-747697-7

© Тимофеева Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Звёздный смех	6
Звёздный смех	6
«В вали облаков запуталась луна...»	7
«Обмелело, выгорело небо...»	8
Цареубийство	9
«Кулачиха»	11
«Ванилью, горьким шоколадом...»	13
«У полнолуния в плену...»	14
«Приземлённость – не значит незрячесть...»	15
«На отмели ночи гуляют неяркие тени...»	16
«Что случилось с людьми, неизбежен ли угол паденья?»	17
«Создатель настоял свой вечный эликсир...»	18
«...И что-то хочет мне сказать...»	19
«Смакует утро жёлтая пчела...»	20
«В душе моей кладбищенская тишь...»	21
«Громы грохочут гневливо в небесной гортани...»	23
«Смирный вечер полон благодати...»	24
«В тишине, исполненной молчания...»	25
«Осенило, – тебя здесь нет!»	26
Пародия – поэцкая коррида в Москве и области	27
«Ни сочувствия, ни пощады, —...»	29
«Меж пурпурных и жёлтых роз...»	30
«Колокольчик звенит на улице...»	31
«Мне титулов и званий не снести...»	32
«Июль, июль, где алгебра твоя...»	33
«Обязательно в жёлтом платье...»	34
«Задник сцены пришпилен звёздами...»	35
«Нет, я ничем себя не выдам...»	36
«Бессовестный, расхристанный и лживый...»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Звёздный смех

стихи, пародии, сказка хромого кузнеца

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От любви до любви, от молитвы до пагубных слов,
От небес до земли, от чужбины до милого дома
Мы метались, мы шли, мы летели, мы саднили в кровь
Свои души, ничуть не боясь ни небесного грома,
Ни суждений людских, ни наветов, ни стали лихой,
Ни того, что забудут, не примут, как избранных, где-то,
Оттого, что по жизни своей мы всего повидали с лихвой,
А ещё потому, что Господь наш был самым Великим Поэтом!

Звёздный смех

Звёздный смех

Густился ночными тенями могучий орех,
Вились светляки серебристыми блёстками света...
Коснулся щеки моей звёздный таинственный смех, —
Меня уносила в пучину галактик планета.

И было мне так несказанно в тот миг хорошо,
Как будто бы волей судьбы я, не чувствуя боли,
К волшебному дару приникла погибшей душой,
И не было лет, не щадивших мой разум дотолё.

Как будто бы эта, желанная мне, тишина,
Что мною в блужданиях по миру бывала искома,
Дала мне себя ощутить дуновением сна
Вдали от невзгод и вдали от родимого дома.

От воли чужой не осталось в ту ночь ни следа,
Лишь запахи трав щекотали мне ноздри польнно...
И сердцу хотелось прощения, и навсегда
Остался в душе звёздный смех, отвучавший недлинно.

«В вуали облаков запуталась луна...»

В вуали облаков запуталась луна,
Нежнее сна её заветное молчанье.
Из серебра лучей ткёт саван мне она —
Великой пустоты нездешнее создание.

Мне с ней на разговор короткие часы
Отводит ночь, скупясь и о полётах грезя,
В просторах темноты. Сиятельной росы
Разбрасывая сеть, туман к ней в душу лезет.

Скользит крыло совы и бредет тишину
Свистящей нотой фа, задевшей ветер спящий...
И все мы, как один, ныряем в глубину
Вселенной, навсегда уйдя от смерти вящей.

«Обмелело, выгорело небо...»

Обмелело, выгорело небо,
Стал седым воздушный окоём.
Зачерствела почва коркой хлеба,
Так давно не ласкана дождём.
Жар лежит слоёным одеялом,
Преют роз поникших лепестки,
Солнца свет воинствующим жалом
Старит трав взошедшие ростки.
Жадно ждёт прохлады тень денная,
Под орехом полдничая мгой...
Мотыльков цикориевых стая
Синеоко нежничает... зной...
Ласточки кричат, свистят, щебечут,
Ловят одуревших сонных мух,
Их птенцам по очереди мечут
В клювы желторотые. Петух
Не шадит соседский злого горла, —
Голосит под лай пустой собак
Невообразимо-звонким горном
И не успокоится никак!

Цареубийство

Их каждый день расстреливать ведут
В глухой подвал Ипатьевского дома....
Их жизнь сто лет у вечности крадут,
От раза к разу путаясь знакомо
В том, было отречение или нет,
Распутина склоняя отглагольно,
Ведь в золоте предавших эполет
Кровь растворилась царская «невольно».
Эй, сколько вас, гадателей судеб,
Слагателей несвязных разумений?
Нелёгко ваш непропечённый хлеб,
Забывчив строй давнишних откровений.
Но, заглянув за грани бытия
В колодец тьмы, расщедрившейся светом,
Вы можете стать зрячими, и я
Осенена единственным ответом, —
Смывать позор цареубийства с рук
Придётся долго, больно и кроваво,
А выстрелов подвальных долгий звук
Смешался с плачем проданной Державы.
Творить добро учиться – тяжкий труд,
Вот, где таится подвиг отречения.
Себя забыть во имя... Только блуд
Словесный стал синонимом творенья.
Все борзописцы лгут в угоду лжи,
Придуманною жизнью упиваясь,
Не поминая: правда – это жизнь,
А ложь – есть смерть. Пойдём и мы, преставясь,
К престолу мира, что рождён Творцом,
Рассказывать, оправдываться, плакать,
Стоять, стеная, пред Его лицом,
Жалея душ кривых мирскую слякоть...
В неверии уже гнездится ложь,
А в байках про царя её несчётно.
И каждый лжец на Каина похож,
Кичащегося чьей-то подноготной.
Что знаем мы? Расстреляна семья.
Царица, царь, наследник и девицы
Нам никому, живущим, не родня,
Но все мы знаем их родные лица.
Кто благороден, рта не покривит,
Не посмеётся, над бедой куражась,
А перекрестит лоб и умолит
Простить убийц за их поступок вражий.
И только тот, кто от рожденья глуп,

Слюною брызгать вновь начнёт знакомо...
Их каждый день расстреливать ведут
В глухой подвал Ипатьевского дома....

«Кулачиха»

Своих детей оплакивала тихо,
Не в силах с ложа смертного встать,
Ослепшая от горя «кулачиха»,
Моей бабули старенькая мать.
Их ровно шесть загибло за Уралом,
Куда сослали, да ещё один —
На Курской, Павлик, как орёл, летал он,
Да сбили немцы... Из её седин
Страх века, обращённый в маску муки,
Смотрел на мир незряче и не зло,
И ложку не удерживали руки,
И горе слёзной каплею ползло
По сморщенной щеке её прозрачно,
Да волосы пружинками вились...
Отмыто тело ото вши барачной,
Но в душу думы намертво впились.
Муж помер раньше, мужики ранимее,
И то сказать, достались Соловки
Ему в судьбу от Родины родимой,
А ей лишь Котлас. Сроки велики
Для тех, кто жил, давясь краюхой чёрствой
И укрываясь дырью на дыре...
ГУЛАГ среди страны – лесистый остров,
Там слишком многим стало умереть,
Но им двоим везло, – любовь спасала.
Она свою «пятёру» отбыла,
А муж бежал, зима не доконала, —
Его следы метелью замела.
Обобраны, поруганы, забыты
Своей страной, распяты не врагом,
Как жили у разбитого корыта
Мои родные? Чёрным сапогом
И трубкой дымной у рябого носа
Тридцатый год запомнился не всем?
Неужто нету кровопийцам сноса,
И внуки их других не знают тем,
Как клясть «врагов», ни за понюх попавших
Под красный молох? Проклятая кровь
У палачей, невинных расстрелявших,
Да вот беда, плодятся вновь и вновь!
Я слышала от них неоднократно,
Мол, всех за дело гнали в лагеря,
И пусть поймут они меня превратно,
Но их самих не проклиная я.
Воздастся им, как предкам их кровавым,

Что преступили Божеский закон.
Они все ищут почестей и славы,
И о себе разносят медный звон,
Но Вседержитель ждёт заветной жатвы,
Он Сам отделит зёрна от плевел
И наградит весь род их многократно
По сумме их не Божьих, страшных дел...
А я всё вижу скрюченные пальцы
Трудяги старой, выжившей тогда,
Лежащей подле печки в нашем зальце,
Как общая Российская беда...
А после гроб стоял с её мощами
Всё в том же зальце прямо на столе,
И пахло поминальными блинами,
И было непонятно, странно мне:
Шли люди в дом и кланялись прабабке,
Их лица были скорбны... Треск свечи
И зеркало под тонкой чёрной тряпкой,
И дождь небесной музыкой стучит, —
Так будничны у смерти междометья,
Мы все уйдём однажды, кто куда.
Бесчестье дела – много хуже смерти,
Бесчестье слова – общая беда.
Воспоминанья бродят, в сердце тая
И наполняя кровь своим огнём...
«Была твоя прабабушка святая»
Сказал мне кто-то тем далёким днём...

«Ванилью, горьким шоколадом...»

Ванилью, горьким шоколадом
Катальп струится аромат.
Могучим, богатырским рядом
Они вдоль улицы стоят.
В вершинах их резвится ветер,
Сбивая хлопотливых пчёл
С роскошных праздничных соцветий...
А горизонт лилово-зол,
Поспешно с чёрных гор сползая,
Он тянет тучи громадьё,
И в ней, извиристо сияя,
Мелькает молнии копьё.
Теснит удушье грозное
Земли распахнутую грудь,
И вот уж небо – обложное, —
Гроза прокладывает путь
Над перепуганной равниной,
И молкнут птичьи голоса,
И травы тусклою патиной
Мой обволакивают сад.
И лишь кузнечики отважно
Строчат в пространство звонкий скрип,
Да громы катятся протяжно
К подножию соседских лип...
А я торжественно и чинно
Стихии принимаю дар,
Держа в руках бокал старинный,
Небесный празднуя пожар...

«У полнолуния в плену...»

У полнолуния в плену
Не сплю, глаза в окно тарашу
На первобытную луну,
Что ровный круг по небу тащит.
Смотря с нахальством неземным
В белёсо-сизом томном взоре,
Она туманный сеет дым,
В пустом развежившись просторе.
Иллюзий квантовый зрачок,
Давнишний эталон лукавства, —
Её приветствует сверчок
В объятиях ночного царства.
И только я с ней наравне
Себя рассеиваю праздно,
Чтоб атом к атому вовне
В спираль творенья втиснуть связно,
Земное сбросив чешуёй,
И в свете запредельных истин
Лететь за звёздной пеленой
Отведать таинств евхаристий...

«Приземлённость – не значит незрячесть...»

Приземлённость – не значит незрячесть.
Чёрный цвет – не печаль и не смерть, —
Это ночи саиновой фрачность,
Это омут зовёт в круговерть
Струй холодных, и чёрной змеёю
Из-под ног уползает тропа,
Это фронт грозовой над землёю,
Это маковых зёрен крупа,
Аскетичная праздность покоя
И келейность глухой тишины...
Лишь на чёрном бывают порою
Ярче белые пятна видны.
Кружевами сгущённые тени
Опяшут родное крыльцо,
Я на тёплые сяду ступени,
В чёрной шали упрятав лицо
И вдыхая букет разнотравья...
Жизнь моя – драгоценный ларец
С разноцветной весеннею явью,
Над которой трезвонит скворец.

«На отмели ночи гуляют неяркие тени...»

На отмели ночи гуляют неяркие тени,
И месяц двурогий их тихое стадо пасёт,
А ветер улёгся в траву под ветвями растений,
Где партию скрипки не спящий кузнечик ведёт.

Пою аллилуйя июльскому звёздному плёсу,
На нити галактик, плетущих небесную вязь,
Смотрю в восхищении. Падают белые росы
К подножию мира, от лунного света искрясь.

Воздушные реки текут, чуть заметно качая
Тепло и прохладу, и ампельных роз аромат...
Я Божье творенье всем сердцем своим величаю,
Душой становясь этой ночью богаче стократ.

Наутро истают пророчества смутных видений,
И в кратере сна защебечет, заплещется явь...
И будут скользить вдоль стены поредевшие тени,
Пускаясь по солнца лучу за минутами вплавь.

«Что случилось с людьми, неизбежен ли угол паденья?»

Что случилось с людьми, неизбежен ли угол паденья?
Сколько Божьих орбит мы покинули, выбрав позор?
От рождения в лоне Творца и до перерожденья
Человека неправеден век, хоть рассудочен вздор.

Как же вышло, что мозг не вмещает величия мира?
Каждый штрих на планете прекрасен, как сон золотой!
Там, где пушки гремят, замолкает испуганно лира.
Человечество космосом бредит с душою пустой.

Ничему мы не учимся, в мрачной пучине сгорая
Из амбиций и зависти, страстно алкая побед
Над остатками разума, бег в пустоту подгоняя
И смеша бесконечно Того, кто напутствовал свет.

Мы венцами творения не были, грезя невинно,
Что лохматые прашуры жили в глубинах пещер,
С ветки дерева спрыгнув и мамонта жаря картинно,
А потом докопались случайно до музыки сфер.

Совместить невозможно любовь и паскудство обмана.
Глушит ненависть нас, как медлительных рыб динамит.
Нам из яств не сердечность дороже, а брэнная «манна»
В виде звонких монет, что для уха приятно звенит.

Оглянись, человек! Посмотри, ты страшнее Медузы.
По рождению – гений, по сути своей – людоед,
Вместо органов чувств предпочтя гениталии с пузом.
Апокалипсис станет расплатой фальшивых побед.

После нас хоть потоп? Так при нас будут сера и лава.
Недостойно живём, недостойным пребудет конец.
И до нас были те, чья во прахе рассыпалась слава,
Чьи следы перепутало время и вымел Творец.

«Создатель настоял свой вечный эликсир...»

Создатель настоял свой вечный эликсир
Из атомов мечты и призрачных материй,
И нам не разгадать Его прекрасный мир,
Живя всю жизнь в плену надуманных мистерий.

А лунный лик зовёт коснуться облаков
И распахнуть сердца свои навстречу Богу...
Но мы себе других назначили богов,
Теряя связь времён и разум понемногу.

Четвёртый всадник скуп на жесты и слова,
Он бледен и прекрасен в судном гневе...
В часах кукушки нет, там прячется сова,
Считая крохи жизни в лунном чреве.

«...И что-то хочет мне сказать...»

...И что-то хочет мне сказать
Плутавшее в лощине эхо...
Мне этих слов не разобрать
За шумом старого ореха,
Как не понять его ветвей,
Согласных с воздухом, движений, —
Весь хаос из души моей
Проник в рассудочность растений.
Смешались прежние часы
С моим непрочным настоящим...
Пространства точные весы
Судьбу намеривают спящим,
Но я не сплю который год,
Боясь, что пропущу потеху,
Ведь сердце, беспокоясь, ждёт,
Когда шептать наскучит эху...

«Смакует утро жёлтая пчела...»

Смакует утро жёлтая пчела,
С жужжанием прячась в чашечке цветочной.
Паук сидит в сети своей непрочной,
А шмель гудит, рассеян и патлат,
Летя стремглав, как будто наугад,
Не разбирая ничего спросонок.
Кузнечиков оркестр нестройный звонок,
И нежный ветер овеивает сад...

«В душе моей кладбищенская тишь...»

В душе моей кладбищенская тишь,
Я целый век в ней хороню погибших.
Когда ночами лунными не спишь,
Кого не вспомнишь из знакомцев бывших!
Мне каждый час давался, словно бой, —
Судьба на подношения горазда.
Мог в сердце похозяйничать любой,
В наивной жажде поразвлекься праздно.
Я вижу человека не насквозь,
Штрихи к портрету – лишь глаза и руки,
Но как-то так с рожденья повелось,
Что я прошла все древние науки
О том, как подлость рядится в обман,
Прикинувшись сочувствием с участием,
И соли не просыплет мимо ран,
Не изменив своей пиковой масти,
О том, как ненадёжна денег власть,
Рисующая видимые блага,
Как удаётся ей у тех украсть,
Кого не засосала эта тяга.
О том, что смысл имеет лишь любовь,
А жажда знаний возвышает разум,
Я знала с детства, но любая новь
Сбивала с панталыку, правда, сразу
Или немного погодя несла
Душе и сердцу разочарованья.
Как не сойти с ума, когда лишь зла
Ты видишь очертания. Сознанья
Давным-давно прибился окоём
К безбрежной и надёжной вере в Бога...
Мы плохо и бессмысленно живём,
Когда Его не чувствуем чертога
Ни в сердце, ни в загубленной душе,
Не мыслим дня без суматошной гонки,
Хоть каждый был Всевышним оглашен,
Но... бранью рвал ушные перепонки...
Какой подарок мне – благая тишь,
Как хорошо вдали от суматохи!
Когда ночами лунными не спишь,
То чувствуешь в себе земные токи,
Текущие согласно тишине
Творения и милости Всевышней,
И знаешь, – всё, что движется вовне,
Крича и громыхая, стало лишней
И чуждой жизни грязною волной,

Несущей пену лжи и извращений,
И вряд ли надоело мне одной,
Но редко кто отважится течений
Всеобщих в бездну эту миновать,
Переменить свой быт, уйти от мира,
Залогом счастья почитая стать
Обычным человеком. Я – задира,
Когда увижу, что кого-то бьют
Не кулаком, так словом, встану грудью,
Хоть правду правдой не всегда зовут,
Её предпочитая всякой мутью
Замыливать, кидать в неё комки
Засохшей глины, пачкать словесами...
Когда бы я безумела с тоски
По благам эфемерным, а не в храме
Рыдала бы о прожитых годах,
Наверное, и мир бы мне желанным
Тогда казался, но подходит страх
Под сердце опалённое, и странным
Он видится, являясь предо мной
В своих пороках вечных и гордыне,
В веригах, что зовутся суетой,
И ничего не изменить в нём ныне
Одним желаньем, только понимать
Стремиться, в чём его предназначенье,
Души своей пороки узнавать,
Отпущенной на землю на мученье.
Писание промыслило за нас
Всё, что свершится в будущем столетье,
Когда живущим горек всякий час
И корка хлеба будет. Лихолетье
Давно стучится в наши ворота,
Но мы всё ждём чудес без покаянья,
Не видя и не слыша, как тщета
Нас тянет с князем мира на свиданье...
И вот я здесь. Уже не первый год
Молю судьбу и Бога, и пространство
У вечности незамутнённых вод
Включить меня стежком в своё убранство
Из шитых из материи миров
И дать вздохнуть свободно, без усилий...
И пусть хоронит разум мертвецов
В одной, давно оплаканной, могиле.

«Громы грохочут гневливо в небесной гортани...»

Громы грохочут гневливо в небесной гортани.
Плавится день от жары, замирая в тени.
Клонится вниз виноградная плеть, будто в бане,
Преют венцы белых роз... Угорелые дни.
Смотрят, синяя, цикория нежные очи,
В небо готовые, снявшись, внезапно взлететь...
Перья парят облаков, свой особенный росчерк
Дав мне на сини небес, не спеша, рассмотреть.
Еле шепча меж ветвей, ветры прячутся втуне,
Ленью повенчана даль и великою мглой...
Августа волглая блажь зачиналась в июне
И, припечатана солнцем, лежит над землёй.
Где-то дождят и гвоздят бесконечные сонмы
Бешеных ритмов погодных – потопные дни.
Здесь же укрыться нельзя от пылающей домны
Солнечной ярости, только пожару сродни.
Изнемогаю, пластаюсь в домашней прохладе,
Где не достанет палящая знойная твердь...
Пишет историю лета в Великой тетради
Месяц, готовый вот-вот за него умереть.

«Смиранный вечер полон благодати...»

Смиранный вечер полон благодати
Из золотого тлена сентября,
И ветер нежным голосом Амати
Поёт в ветвях, забвением дая.

Проглядывают звёзды голубые
На сребротканом пологe небес,
Где сполoхи померкли огневые
Закатного свечения, навес

Туманной дымки белой поволокой
Сравнил вершины острые вдали,
Луна с востока выкатила око,
И паутин в серебряной пыли

Заметно стало тихое дрожанье...
Ночная птица вскрикнула, стрелой
Из сумрака промчавшись, как посланье
Неведомого, и над головой

Смутила струй воздушных натяженье,
Гармонию нарушив тишины,
Посеяв в сердце смутное волненье,
Идущее из самой глубины

Извечных недомолвок подсознанья,
Где селятся печали бытия...
И схи́ма ночи облекла в молчанье
Забытое моё, земное «я».

«В тишине, исполненной молчания...»

В тишине, исполненной молчания
И осенней спелости плодов,
Есть великий заговор прощания
С бесконечной горечью годов.

В золотом отчаянном струении
Переливов тлена сентября
Тонет века бред и нестроение,
Перед вечным холодом горя.

И в последней прелести прощания
Предвкушая негу и покой,
Мир, что полон зависти и мщения,
Отворяет небо надо мной.

Он, меня отторгнув, в умирание,
В затуханье смысла и добра
Утоляет терпкостью познания
Разум мой под спудом серебра.

И, склонив седины к неизбежности
И к нетленной сладости святынь,
Погибаю от любви и нежности,
Погружая душу в эту синь,

Где аккорды бездны несмолкаемо
Ровным пульсом движут ход планет,
Где вибраций жизни нескончаемо
Полон сотворённый Божий свет.

«Осенило, – тебя здесь нет!»

Осенило, – тебя здесь нет!
Это был только сонный морок...
Говорил несусветный бред,
Кто-кому и насколько дорог,
Лепетал про любовь свою,
О моей не сказав ни слова,
Мол, со мной тебе как в раю,
Рай забыв обиходить снова.
Дескать, – птица твоя «фазан»
Или «феникс», – уже не вспомню,
Пальцем дробь ковырял из ран,
Взор свой миру являя томный.
И настойчиво, хоть поверь,
Предлагал и моря, и страны...
Ну, а я за собою дверь
Затворила сегодня рано,
Вышла в утро, как будто сон
С плеч свалился с тобою вместе...
И летели со всех сторон
Птичьи звоны – шальные вести.

Пародия – поэцкая коррида в Москве и области

Браслет. Мадрид, Коррида!
Рогачев Игорь
Посвящается Кубаловскому Браслету...
Прошедшая сиеста разрушила надежды на взаимность
Моё признание отвергнуто и холоден ответ
«Век матадора короток!», – резонно объявляется причинность
Но в память Дона Фрида принимает мой браслет!
Сегодня – UNICA ESPADA!!!
La solitario suerte
Для матадора это высшая награда
Шесть раз подряд продемонстрировать пренебреженье дуновеньем
СМЕРТИ

и так далее

Рукоплещает зал поэту, он без фантазий был бы плох.
На нём поэзия надета, как бычий потрох на горох.
Гремят литавры славы вящей горохом в бычьем пузыре,
Поэт в восторге настоящем слагает вирши на заре.

Клокочет жар в груди остылой, седые вьются кудельки, —
Поэту всё в поэте мило, он не страдает от тоски.
Вообразив себя торерой, он видит мысленно Мадрид,
Себя – за кислую мадерой... – неподалёку бык стоит,

Арену роет он копытом, косит его кровавый глаз...
Толпа в одном дыханье слитном кричит, предчувствуя экстаз.
Итак, поэт перо хватает и колет лист перед собой,
Как будто бы в быка втыкает мулету. Этакой борьбой

Он промышляет не на шутку, набито им полно быков,
Иной раз встал бы на минутку, чтобы размять себе боков,
Да вновь поэза не пускает, гундит над ухом день-деньской
И бычью кровь на лист роняет поэцкой мощною рукой.

А тут ещё одна загвоздка, – мечта, весомее всех мечт,
Стройна, как русская берёзка, прекрасна, просто не убечь.
Зовут мечту не по-простому, а то ли Фрида, то ли Фрейд,
Поэту впору выпасть в кому, любовь – классический апгрейд.

Мешая русское с испанским, поэт верзает новый стих,
А бык трепещет в позе шпанской, короче, сильно он притих
Перед броском. Трибуны встали и ждут, когда же в микрофон
Польётся рифма-трали-вали, чтобы исторгнуть дружный стон.

И ждали, видно, не напрасно: стих выпал, словно бычья мечь,
Мечта своей рукой прекрасной судьбы отобразила перст.
Награда вновь нашла героя, в ней были образ и размер...
А бык ушёл, арену роя копытом, от бессилья сер.

Придёт ещё, призрев страдальца, покой нарушив и уют...
Но, говорят, что бычьи яйца в аду поэтам подают...

«Ни сочувствия, ни пощады, —...»

Ни сочувствия, ни пощады, —
Нет у смерти открытых дат.
Осень кружится листопадом,
Солнце движется на закат.

Росчерк света – аккорд прощанья,
Смотрит вечность в моё окно.
Я даю себе обещанья,
Да не выполню ни одно.

Поздно стало сиять восторгом,
В сердце гулко до пустоты...
Не бывает со смертью торга,
И законы её просты.

Только кажется, кто-то где-то
Отмолил мне ещё чуток
Зазевавшегося рассвета,
Молодого вина глоток.

И, чуждя от минувших страхов,
Как на крыльях, из мёртвой тьмы
Я от боли лечу, от праха,
От сумы моей, от тюрьмы...

«Меж пурпурных и жёлтых роз...»

Меж пурпурных и жёлтых роз
Лежит зелёной плащаницей
Трава в сиянье росных слёз,
В лучах рассветной багряницы.
И щебет ласточек звенит
Победной песнею небесной,
Елеем аромат разлит
В воздушной горнице воскресной.
Спешит к заутрене пчела,
Свой взяток погружая в чашу
Медовой патоки... Тепла
Моя обитель. Где-то краше,
Я знаю, в мире есть места,
Но мне дороже всех на свете
Приют, где каждого листа
И роз, и виноградных плетей
Была виновницей сама,
Их черенки втыкая в землю.
И, если ждёт меня сума,
Иной я доли не приемлю,
Как, сросшись с каждым корешком,
Остаться в этом поднебесье,
Где с новым пройденным шажком
Всё дальше злое мракобесье
Всех, кто стремился разорвать
Мой разум волею нездешней,
Поставив Каина печать
На путь мой пагубный и грешный!

«Колокольчик звенит на улице...»

Колокольчик звенит на улице,
Выкликает кого-то в путь.
Чёрный конь над травой сутулится, —
Цепь копытом не разомкнуть.
Он тут целую ночь на привязи,
Запечатан холмистой тьмой...
Тени влажные тащат слизнями
Из низины туман речной.
Конь ушами трясёт, тревожится
И вздыхает, как человек,
А туман всё плотней творожится
И секунд замедляет бег.
Колоколец гранит звучание
И теряет в пространстве звук...
И всё явственнее молчание
Тишины, что кружит вокруг.

«Мне титулов и званий не снести...»

Мне титулов и званий не снести,
Таким, как я, от званий просто плохо.
Да и куда прикажете расти,
Когда не любит выросших эпоха.
Эпохе что, она – одна из тех,
Кому, увы, неведомо прозреньё.
Ей характерен смех, но не успех,
А крик и вой ей заменяют пеньё.
Когда-то в прошлом было всё и вся,
Мы – лишь неяркий отсвет в зазеркалье.
Спасителя о милости прося,
Едва родство не празднуем шакалье.
Под спудом дух таится? Этот спуд
Давно лежит плитою неподъёмной,
И, как тот дух ни кличут, ни зовут,
Он мирно спит, забывчивый и скромный.
Мы – дети лжи, виновные в грехе
Размена страха Божья на пороки.
Мы исстари нуждались в пастухе,
И он пришёл, властительно-жестокий,
Как хитрый князь над сутью вековой,
Упавший в таргар без стыда и боли,
И мы за ним прошествуем тропой
Широкой прямо к вечности в неволю.
Там стон и ужас тех, кто жил до нас,
Их толпы толп, десятки миллионов,
Чей разум чах над золотом и угас
Под действием божественных законов.
Боялась я не вдруг сойти с ума,
Устав не быть как все промеж безумцев,
Но счастье есть, – пуста моя сума,
С богатством предпочла я разминуться.
Как тесно мне дышать среди людей,
Чьи помыслы читаю без усилий!
Пусть волосы мои снегов белей,
Но думы за признаньем не носили.
Мне хочется в ребячестве души
Найти чуть-чуть свободного пространства,
Чтобы пред собой хоть в чём-то согрешить,
Забыв своё былое постоянство.
Я в моралисты точно не гожусь,
Но, отрицая грязь и бестолковость,
Я столько лет над разумом тружусь,
Что глупость мира для меня не новость.

«Июль, июль, где алгебра твоя...»

Июль, июль, где алгебра твоя,
В межзвёздных полустёртая пустотах?
Ты потерялся в дебрях из дождя,
Забылся каплей сна в пчелиных сотах.
Ты больше не греховен, словно джаз,
Ты не чудишь остротами творенья,
Закрыло солнце глаукомный глаз,
И цепь из туч расположила звенья
Неровной вязью, рваной чередой
По всей твоей печальной ойкумене...
Ты замер, словно страх перед бедой
Тебя сковал, или в больном колене
Внезапный ступор крахом пригрозил
Твоих надежд, грозы рассыпав стоны,
И ты своих былых лишился сил,
Смотря туда, где дышит Йеллоустоун...

«Обязательно в жёлтом платье...»

Обязательно в жёлтом платье,
В ожерелье из янтаря...
Я раскрою свои объятия,
Даже если раскрою зря.

Ты ведь знаешь, не лицемерна,
Всё всегда на моём лице.
Может, жизнь и четырёхмерна,
Жаль, двухмерна она в конце.

Делим надвое, так случилось,
Так уж в мире заведено.
Не припомнишь, скажи на милость,
Как влетела гроза в окно,

Как топырила занавески
И хлестала то в лоб, то в грудь,
Повышая свой голос резкий?
Память выключить не забудь!

Обниму, не заплачу даже,
Отпущу без больших затрат.
Да тебе все, кто хочешь, скажут, —
Ты и вправду не виноват.

«Задник сцены пришпилен звёздами...»

Задник сцены пришпилен звёздами,
А на сцене лишь ты и я.
Роли нам не надолго розданы,
Да и то лишь насмешек для.

Мы актёры с тобой негодные:
Две уключины по краям,
А вокруг нас просторы водные,
А меж нами – ненужный хлам.

Не старайся тянуться жилами,
Как Отелло, твой пафос – бред.
Обещаньями можно лживыми
Загасить даже рампы свет.

Из суфлёрской ракушки слышится
Пьяный голос склерозной тьмы.
Не играет мне, как дышится,
На краю у моей зимы.

Я со сцены сойду, как с поезда,
Полустанок мой пуст и свят.
Будет небо прибито звёздами,
И не будет пути назад.

«Нет, я ничем себя не выдам...»

Нет, я ничем себя не выдам,
Ни взглядом, ни дрожаньем губ.
Давно забыла я обиды,
И сердцу ты, как прежде, люб.
Но между нами есть преграда,
А я в интригах не сильна.
И вновь случайной встрече рада,
Хотя я тоже не одна.

Клубами ветер гонит тучи,
Срывая жёлтую листву.
Наверно, я запомню лучше
Твой голос, если наяву
Услышу ноты не прощанья,
А тихой радости земной,
И в смехе прежнее звучанье...
Ах, что ты делаешь со мной!

Как призрак осени печален,
Когда он память сторожит!
Лес огнивеющий сусален,
Ночными ливнями омыт.
Он ждёт пощады или бури,
Под синим небом бытия?
Роняет золото и сурик
Аллея памяти моя.

От неизбежности не скрыться,
Судьба рисует свой узор,
И рок, мой беспощадный рыцарь,
Несёт меня во весь опор.
Вновь оглянулась на мгновенье,
Расслабить руки не рискнув...
К чему пустые сожаленья?
Стих ветер, в облаке уснув...

«Бессовестный, расхристанный и лживый...»

Бессовестный, расхристанный и лживый
Куражится, кривляясь, новый век.
Он ищет лишь удачи для наживы,
Которой бредит всякий человек.

Он говорит, не ведая предмета,
Привычно вознося порок и лень,
В его мозгу стандартные ответы
На все вопросы есть на каждый день.

Он поминает век социализма,
Как сладкий мир незыблемой мечты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.